

«Моек Кошкочошей»
1986, 24 окт.

ПОСЛЕ социально-психологического спектакля «Прошлым летом в Чулимске» и лирико-патетических «Записок Лопатина» Новый театр-студия обратился к пьесе У. Сарояна «Путь вашей жизни» (режиссер — В. К. Мокноков, художник — А. Л. Окунь). Молодому коллективу предстояло войти в неизведанное и в плане эстетическом и социально-психологическом. В работе над образами здесь уже недостаточно личного опыта, запаса непосредственных наблюдений. Обращение к зарубежной драматургии предполагает в актере не только профессиональную зрелость, но его «всемирную отзывчивость» к чужой боли, острое, заинтересованное отношение к чужим проблемам.

В пьесе слиты воедино правда о человеке и обществе, мечтания об иных взаимоотношениях между людьми и трезвейший комментарий событий. Действие течет по ряду параллельных сюжетных линий, связанных сложными опосредствованными соотношениями, и соединяется в итоге в определенную картину мира, социальное зло которого персонифицировалось в фигуре полицейского инспектора Блика. Для него у драматурга существует только одна характеристика — «подлец». Скупое сарояновское определение Б. Невзоров расшифровывает конкретно и остро. Его Блик — ничтожество, звиниченное, доведенное до иступления сознанием собственной неполноценности. И дорвавшись до власти, он сводит счеты с миром.

Еще одну вариацию на тему социального зла разыгрывает перед нами полицейский Крапп. Он остро переживает несовпаде-

Молодые игрывают Сарояна

РЕЦЕНЗИРУЕМ СПЕКТАКЛЬ
«ПУТЬ ВАШЕЙ ЖИЗНИ»

ние своей личности с отведенной ему социальной ролью, ясно видит всю сомнительность и неправомерность того порядка, во имя которого должен орудовать дубинкой. Он хотел бы найти другую работу, но постоянно уступает под напором таких сильнейших аргументов, как кусок хлеба, жена, дети... Итог нравственных метаний полицейского подводит сама жизнь: в столкновении с забастовщиками он бьет дубинкой своего старого друга докера Маккарти. Б. Гусаков стремится показать раздвоенность героя, его человеческую неоднозначность. Но в этой актерской работе вряд ли примешь благодушное отношение к этике компромисса, готовность увидеть в персонаже едва ли не мученика своей социальной роли, тогда как драматург лишь подводит итог сделки с совестью, бесповоротного превращения человека в обезличенного исполнителя.

Эти образы чрезвычайно важны для понимания целого.

В центре пьесы история Китти Дюваль, двухдолла-

ровой проститутки, «с воспоминаниями» о детстве, о родном доме. Случай сводит ее с двумя молодыми людьми — Джо и Томом, — один из которых становится ей настоящим другом, другой позволяет надеяться, жениться на ней. Этот неприятный ряд событий Сароян выстраивает как притчу о том, что у человека всегда остается возможность быть человеком, как бы глубоко ни втоптала его жизнь в грязь. Проституция Китти — метафора человеческого падения, торжества низменных сторон жизни. Л. Нефедова твердо выстраивает подчеркнуто прозаическую сторону сюжета, и тема падшей женщины получает чрезмерно буквальное и психологически грузное выражение. В то время как своеобразие драматургической манеры Сарояна состоит в поэтическом преображении реальности, в развитии ее средствами поэтического театра. Горькая жизненная правда сохраняет свою непреложность, но она промывает потоками чистой, звенящей лирики. Меч-

тательный лиризм выступает в роли спасительной прививки от наступающей пошлости. Этот способ спасения личности может показаться и неудовлетворительным, но его принципиальное значение для драматурга необходимо иметь в виду.

Глубоко осмыслен режиссурой финал спектакля. Всех терроризировавший Блик убит. Наши лирические герои празднуют победу. Но это торжество мнимое. Ибо им не дано справиться с Бликом. И в финале противоречивость и неполноценность самоопределения лирических героев перед лицом социального зла остается, спектакль заканчивается вопросительной интонацией: путь вашей жизни? Особенности сарояновской притчи заключается в ее конкретной, личной обращенности к зрителю.

Ряд неточностей в актерских работах приводит к тому, что спектакль оказывается в опасной близости к определенной традиции «американского» спектакля. Его добротную броскую стилистику определили многие наши театры в постановках пьес Т. Уильямса и вообще пьес о современной Америке. Теперь по преимуществу этим ключом открывается и произведение Сарояна. Но легкость подобной операции не должна обольщать. При постановке значительных идейно-художественных задач ею рано или поздно придется пожертвовать. Возможности иных, более сложных и глубоких решений в спектакле заложены.

В. ИВАНОВ.